
Д.Н.Мамин-Сибиряк. Собр.соч.в 8 томах. Том 5. -- М.: Худ.лит., 1954
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 13 августа 2003 года

I

-- Михайло Потапыч... а?..

-- Ну, чего ты пристал-то, как банный лист?.. Отвяжись...

-- Эх, Михайло Потапыч... Родной ты мой, выслушай...

-- Какой я тебе Михайло Потапыч дался в сам-то деле! Вот выдешь за ворота и меня же острамишь: взвеличал, мол, Мишку Михайлом Потапычем, а он, дурак, и поверил. Верно я говорю?.. Ведь ты чиновник, Сосунов, а я ништо... Все вы меня ненавидите, знаю, и все ко мне же, чуть что приключится: "Выручи, Михайло Потапыч". И выручал... А кого генерал по скулам лущит да киргизской нагайкой дует? Вот то-то и оно-то... Наскрозь я вас всех вижу, потому как моя спина за всех в ответе.

Мишка заврался до того, что даже самому сделалось совестно. Он оглядел своими узкими черными глазами Сосунова с ног до головы и удивился, что теряет напрасно слова с таким человеком. Действительно, Сосунов ничего завидного своей особой не представлял: испитой, худой, сгорбленный, в засаленном длиннополом сюртучишке -- одним словом, канцелярская крыса, и больше ничего. Узкая, сдавленная в висках голова Сосунова походила на щучью (в горном правлении его так и называли "щучья голова"), да и сам он смахивал на какую-то очень подозрительную рыбу. Рядом с этим канцелярским убожеством Мишка выглядел богатырем -- коренастый, плотный, точно весь выкроен из сыромятной кожи. Мишкина рожа соответствовала как нельзя больше общей архитектуре -- скуластая, с широким носом, с узким лбом и какими-то таракаными усами; благодарные клиенты называли Мишку татарской образиной.

-- Да я с тобой и разговаривать-то не стану, слова даром терять, -- равнодушно заметил Мишка, отвертываясь от Сосунова. -- Тоже, повадился человек, незнамо зачем... Вот выдет генерал, так он те пропишет два неполных. Ничего, што чиновник...

-- Михайло Потапыч, яви божескую милость: выслушай... В третий раз к тебе прихожу, и все без толку.

-- Вот привязался человек... Ну, ин, говори, да только поскорее. Того гляди, генеральша поедет...

-- Все скажу, Михайло Потапыч, единым духом скажу... Дельце-то совсем особенное.

-- Омманываешь што-нибудь?

-- Вот сейчас провалиться. Ты только послушай, что я тебе скажу.

Сосунов осторожно огляделся и подошел к Мишке на цыпочках, точно подкрадывался к нему. Мишка еще раз смерил его с ног до головы и вытянул шею, чтобы слушать. Вся эта сцена происходила в большой передней "генеральского дома", как в Загорье называли казенную квартиру главного горного начальника, генерала Голубко. Передняя рядом окон выходила на широкий двор, чистый и утопанный, как гуменный ток; в открытое окно, в которое врвался свежий утренний воздух, видно было, как в глубине двора, между двух столбов, стояла заложенная в линейку генеральская пара наотлет и тут же две заседланных казачьих лошади. Кучер Архип и два казака оренбургской казачьей сотни сидели под навесом и покуривали коротенькие трубочки. У ворот генеральского дома устроена была гауптвахта с пестрой будкой и такой же пестрой загородкой; на пестром столбике висел медный колокол, которым "делали тревогу", когда генерал выезжал из дому или приезжал домой. Между колоколом и будкой день и ночь шагал часовой с ружьем. В гауптвахте, низеньком каменном здании с толстыми белыми колоннами, дежурил офицер и солдаты специальной горной команды. Вся эта команда находилась в большой зависимости от Мишки: он подавал знак в окно, когда генерал выходил на верхнюю площадку